

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
**Факультет Санкт-Петербургская школа гуманитарных
наук и искусств**
Образовательная программа «Филология»

Воронцова Варвара Игоревна

**КОНСТАНТИН ГОЛУБОВ - «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» Ф. М.
ДОСТОЕВСКОГО**

Выпускная квалификационная работа – БАКАЛАВРСКАЯ
РАБОТА

по направлению подготовки 45.03.01 «Филология»
образовательная программа «Филология»

Научный руководитель
Доктор
филологических наук,
профессор НИУ ВШЭ в
Санкт-Петербурге

И. В. НЕМИРОВСКИЙ

Санкт-Петербург, 2020

АННОТАЦИЯ

Дипломная работа на тему: «Константин Голубов – «новый человек» Ф. М. Достоевского» содержит 54 страницы текста, использованных источников – 42.

Ключевые слова: «новый человек», нигилизм, старообрядчество, христианство.

Предмет исследования – К. Е. Голубов как прототип «нового человека» в романе Достоевского «Бесы».

Цель работы – введение в научный оборот нового материала, значительно определяющего концепцию историко-литературного комментария.

В основе исследования лежит сравнительный анализ оригинальных работ К.Е. Голубова в религиозном журнале «Истина» за 1867–1868 годы, литературный анализ первой редакции романа «Бесы» с января по апрель 1870 года.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении раскрывается актуальность выбранной темой, описываются цели и задачи работы.

Первая глава включает обобщение исторических сведений о жизни и творчестве К. Е. Голубова, доступных Ф. М. Достоевскому, анализ оригинальных публикаций К. Е. Голубова.

Вторая глава является анализом доступных публикаций рукописей к первой редакции романа «Бесы» Ф. М. Достоевского с января 1870 по апрель 1870 года.

В заключении обобщается проделанная работа и выводы относительно главной проблемы исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЛИЧНОСТЬ К. Е. ГОЛУБОВА.....	12
1.1. Статья Н.И. Субботина «Русская старообрядческая литература за границей», путь К. Е. Голубова от старообрядчества к официальной православной церкви.....	12
1.2. Полемика К. Е. Голубова с редакторами газеты «Колокол» Н. П. Огаревым и А. И. Герценом.....	21
1.3. Анализ оригинальных публикаций К. Е. Голубова в религиозном журнале «Истина».....	28
ГЛАВА 2. ГОЛУБОВ КАК ГЕРОЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....	33
2.1. Почему К.Е. Голубов заинтересовал Ф.М. Достоевского? 33	
2.2. Почему Ф.М. Достоевский отказался от Голубова-персонажа?.....	36
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	50

ВВЕДЕНИЕ

Феномен нигилизма — это традиционная тема научных исследований начиная с середины XX века, научное рассмотрение которой не заканчивается до сих пор. Данной теме посвящены работы И.А. Паперно, А.А. Долинина, В. В. Полонского, Л. П. Гроссмана, К. Мочульского и других. Изучение проблемы нигилизма как социально-нравственного явления привело к осознанию совершенно иной проблемы: идеи «нового человека». Однако статус изученности проблемы «нигилизма» 60-х годов XIX века и «нового человека» разные. Вторая в науке появилась сравнительно недавно и является не до конца изученной.

И. А. Паперно в работе «Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» анализирует, как Чернышевский строит свое «руководство» по преобразованию всех общественных отношений и как в совершенно новом обществе возникнет образ «человека будущего». Она лучше всего показала проблему «нового человека»: «коммунистическое общество будущего описывалось как Царство небесное на земле...Новый Мессия будет подлинным «другом человечества», как Магомет, Ньютон и сами христианские социалисты, он будет «демократом» и революционером» и увидела христианскую

традицию на манифестируемый нигилистами атеизм и доказала, что тип «нового человека» у Чернышевского взят из христианской литературы [Паперно, 1996,168].

Среди героев в романе есть образы «новых людей» (Вера Павловна, Лопухов, Кирсанов). Они «представлены читателю как апостолы новой веры: обновлённого и улучшенного христианства... Их цель – «дело человечества», «дело прогресса» [Паперно 1996, 175]. Однако на смену этим «новым людям» должен прийти «особенный человек», тот самый «человек будущего». Именно в этом случае в обществе произойдут «фундаментальные перемены» и наступит «Царство небесное» [Паперно 1996, 175].

С. А. Никольский в работе «Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление...» задается вопросом: «... как это явление – не реальность, а фантомная (виртуальная, как сказали бы мы сегодня) манифестация «новых людей» как особого социального типа – стало возможно?» [Никольский 2012, 102-103]. Он приходит к выводу, «новые люди» не были связаны с главными социальными классами России, то есть дворянством и крестьянством. «Новые люди» появились из-за развития капитализма и роста городов: «Дети этих людей [служащих, мелких чиновников и т.д.], не имея за плечами сколько бы то ни было длительной истории развития собственного социального слоя, с неизбежностью чувствовали себя появившимися как бы на ровном месте, в известном смысле – «людьми из небытия»» [Никольский 2012, 103]. Именно из-за этого социального феномена, который чувствовало новое поколение, по мнению С. А. Никольского, в

обществе возникает желание каких-либо изменений, так называемого «дела».

Стоит заметить, что идея о «новых людях» была актуальна и в XX веке. Как замечает С. А. Никольский в вышеупомянутой работе: «Большевики во главе с Лениным, совершившие вооруженный переворот в России в октябре 1917 года, нуждались в переписывании истории для обоснования необходимости и даже неизбежности своих действий. Чернышевский, равно как и «перелицованный» под революционного демократа А. И. Герцен, в этом качестве им был необходим». [Никольский 2012, 122]

В свое время Н. Володина в работе «Словоформа «новые люди» в русском художественном сознании» отмечала, само «...словосочетание «новые люди» ... Впервые оно появилось в древнерусской литературе, в письменном памятнике XII века... - Повести временных лет» [Володина, 2003,9]. Помимо этого, в середине XIX века отношение к теме «новых людей» в значительной мере изменилось по сравнению с XVIII веком. Если раньше исторические события, подобные крещению Руси или Петровским реформам, «имели своим следствием формирование «новых людей», и литература запечатлела свершившийся факт, то роман Чернышевского изображает людей, которые должны подготовить некое историческое действие», в XVIII веке «новые люди» изображаются в виде «нации в целом», в середине XIX века - это обособленная общественная группа, не превосходящая в своем количественном составе [Володина 2003, 12]. Таким образом, к середине XIX века идея происхождения «новых людей» значительно видоизменилась. Однако Володина замечала, что

подобные руководства по созданию счастливого общества не достигают успеха «не только в антинигилистических романах, но и в жизни (тому есть множество документальных свидетельств)» [Володина 2003, 12].

Словосочетание «новый человек» к середине XIX века воспринималось как синоним «нигилизма». По этой причине в художественной литературе появляется жанр антинигилистического романа. В нем на первый план выходит пародия и критика нигилистической мысли. Русская антинигилистическая литература того времени представлена работами Н. С. Лескова и А. Ф. Писемского, и выступала против идеи нигилизма [Никольский 2012, 137-138].

Таким образом, общество поделилось на два «лагеря». С. А. Никольский в той же работе «Русское мировоззрение...» касается вопроса «философских поисков» в русской классике 40-60-х годов XIX столетия, вызванного темой «нового времени и нового человека» [Никольский 2012, 139]. Он замечает, что в отличие от своих современников Ф. М. Достоевский пытался понять природу «нового человека» и найти ответы на волнующие вопросы, обращаясь «в глубь человеческого естества» [Никольский 2012, 140]. Тем самым, проблема «нового человека» является производной к роману «Бесы» Достоевского.

Как следствие, в конце 60-х годов XIX века отношение к нигилизму усложнилось. В среде нигилистов произошел раскол. Нигилисты поделились на «старших» и «младших», в особенности это явление коснулось русской эмиграции. Этот раскол, как проблема, отразился в статье А. И. Герцена «Еще

раз Базаров» (1868). А. И. Герцен констатировал, что есть два поколения нигилистов. К «старшим» он относился положительно, в то время как «младших» считал отрицающим поколением.

В исследовании, посвященном сравнительному анализу романов Тургенева «Отцы и дети» и «Бесы» Достоевского, Р. Л. Буш отметил главную особенность описания образа Базарова в романе. По его мнению, Тургенев в романе использует технику «досье», рассказывая предысторию всех главных персонажей. Однако, единственным героем, лишенным подобного экскурса, является Базаров. Р. Л. Буш предполагает, что Базаров лишен каких-либо «справочных материалов» по одной причине – это отражает отсутствие понимания происхождения нигилизма [Busch 1984, 4]. Г. Г. Вейкхардт же считает, что по замыслу Тургенева образ Базарова как нигилиста должен был быть неоднозначным и неэффективным [Weickhardt 1995,44].

Тем не менее, С. А. Никольский замечает, несмотря на планируемый «неэффективный» образ, в действительности все вышло, наоборот. В вышеупомянутой работе «Русское мировоззрение...» С. А. Никольский цитирует статью Н. С. Лескова относительно романа Чернышевского и проблемы «подражания» образа Базарова молодыми людьми того времени: «...Нигилисты, которых мы видим и которые нам успели надоесть своими гадостями, достались нам по наследству, а сгруппировал их и дал им пароль и лозунг...Иван Сергеевич Тургенев. После его «Отцов и детей» стали надюживаться эти уродцы российской цивилизации. Начитавшись Базарова, они сошлись и сказали: «Мы сила». Что ж нам делать теперь? Так как они никогда не думали о том, что

им делать, то, разумеется, сделали то, что делают обезьяны, то есть стали копировать Базарова. Как же его копировать? Ну, обыкновенный прием карикатуристов в ход... Гадкий нигилизм выразился в пошлом отрицании всего, в дерзости и в невежестве. Отрицание это будто бы и есть самый нигилизм, а дерзость и невежество его последствия» [Никольский 2012, 142-143].

Возвращаясь к проблеме «нового человека» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», нужно отметить, И. В. Немировский в работе ««Новый человек» – Александр Пушкин: к генезису Кириллова из «Бесов» Достоевского» замечает, статья А. И. Герцена не убедила Достоевского, «принципы «своеволия»» и «безверия» свойственны нигилизму не только лишь в «молодежной» форме, так называемой «базаровщины», а характерны для всего нигилистического мировоззрения [Немировский 2019, 6-7].

Вскоре после публикации статьи А. И. Герцен скончался, в это же время Достоевский был погружен в работу над первоначальным замыслом романа. Он планировал написать роман-памфлет как ответ нигилистам, так как центральное место в новом романе должна была занять полемика именно с «базаровщиной» [Немировский 2019, 7]. С. А. Никольский в исследовании отмечал, что Достоевский «вступил» в спор с революционными демократами и «посчитал его важным» [Никольский 2012, 426]. Однако вопрос о полемике Чернышевского и Достоевского в литературоведении часто опускался [Никольский 2012, 426].

Ф. Джозеф в работе посещённой идее нигилизма в романе Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» придерживается

мнения, что связь между романом Достоевского «Бесы» и антинигилистическим носит прежде всего полемический характер. Кроме того, спорно заметил, «Бесы» Достоевского направлены не только против идей нигилизма, но и против писателей-антинигилистов. Частая метафора писателей-антинигилистов, сравнение нигилистов с дьяволами во плоти, не была в полной мере до этого реализована, а Достоевский в своем романе пытался создать то самое, «правдоподобное» зло. [Joseh 1961, 444].

Кроме романа-памфлета у Достоевского в середине 1868 года появился замысел романа-эпопеи, его первоначальным названием было «Атеизм», в последствие «Житие великого грешника». Однако во время работы над ним, в 1869 году Достоевский узнает о случившемся в России убийстве студента Иванова, осуществленным кружком «Народная расправа» под руководством С. Г. Нечаева.

В исследовании, посвященном анализу русской литературной модели террора, М. Зах, опирающийся на данный исторический факт, придерживается мнения, что Достоевский «ждал» подобного исторического события, чтобы воплотить свои идеи в совершенно ином романе. Кроме того, Достоевский не хотел отказываться от уже имеющегося плана романа-эпопеи «Житие великого грешника», а планировал использовать имеющиеся идеи и материалы в романе «Бесы», и именно поэтому в романе проблема религиозной философии осталась главной составляющей сюжета [Sach 2011, 68].

Однако, нужно заметить, несмотря на религиозный подтекст, главным замыслом романа для Достоевского было столкновение в одном пространстве нигилиста и «нового

человека». Писатель планировал представить иного «нового человека», в сравнении с «новыми людьми» Чернышевского и Тургенева [Немировский 2019, 8].

«Новым человеком» должен был стать истинно русский человек, воплощающий все национальные ценности. Тем самым, Достоевский хотел вывести не пародийный образ (в продолжение полемики с Чернышевским и Тургеневым), а сугубо положительный. Выбор пал на бывшего раскольника-беспоповца – Константина Ефимовича Голубова (1842–1889). О его личности писатель узнал из статьи Н. И. Субботина «Русская старообрядческая литература за границей», опубликованная в журнале «Русский вестник» в июльском номере за 1868 год [Мочульский 1995, 324].

Исходя из всего вышеупомянутого, тема дипломной работы звучит как «Константин Голубов – «новый человек» Ф. М. Достоевского» и была выбрана не случайно, так как является актуальной на сегодняшний день.

В настоящее время важно изучить проблематику темы «нового человека» в романе Достоевского «Бесы». Главная проблема работы звучит как: почему у Достоевского не получилось создать положительный образ «нового человека» в романе «Бесы»?

Тем самым, предметом исследования является К. Е. Голубов как прототип «нового человека» в романе Достоевского «Бесы».

Другой проблемой является проблема жанра романа «Бесы», так как во время работы над романом Достоевский все дальше отдалился от жанра памфлета. Проблематика романа стала приобретать исторический и общественный характер, а

получившийся пародийный образ Князя затмил всю первоначальную логику писателя. На протяжении многих лет роман Достоевского многими исследователями воспринимается как антинигилистический, а «новый человек» – негативной иллюстрацией образа «грядущего человека». Подобной позиции придерживается Д. Фоккема в исследовании, посвященном анализу отказа Достоевского от нигилистической политики, называя роман «Бесы» «крайне тревожным антиутопическим романом» [Fokkema 2011, 232].

Дипломная работа ставит перед собой цель ввести в научный оборот нового материала, значительно определяющего концепцию историко-литературного комментария. Из чего следует, что объектом исследования являются доступные публикации рукописей к первой редакции романа «Бесы» Ф. М. Достоевского с января 1870 по апрель 1870 года.

В ходе работы следует решить следующую задачу: ответить на вопрос почему именно К. Голубов показался Достоевскому достаточным противовесом героям романов И. С. Тургенева «Отцы и дети» и Н. Г. Чернышевского «Что делать»?

Помимо вышеупомянутой задачи, в работе следует решить и другие:

1. Сделать имманентный анализ плохо изученного наследия К. Е. Голубова;
2. Определить интерес писателя к личности бывшего раскольника-беспоповца на основании анализа его публицистических работ;
3. Проследить динамику развития персонажа-Голубова в рукописях к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского;

4. Предположить, почему Голубов не появился в финальной версии романа.

Сообразно поставленным задачам в работе будут использоваться следующие методы исследования:

1. Историко-литературный анализ публикаций К. Е. Голубова;

2. Анализ подготовительных материалов к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского с января 1870 по апрель 1870 года;

Одними из основных источников в данной исследовательской работе были следующие труды:

1. *Голубов К. Е.* Частные письма об общем вопросе // Истина. 1868. К. 3. С. 60–97.
2. *Голубов К. Е.* Нашему старознакомому путешественнику // Истина. 1867. – К. 3. С. 96–97.
3. *Голубов К. Е.* Плод жизни // Истина. 1867. К. 2. С. 35–40.
4. *Голубов К. Е.* Свобода. // Истина. 1868. К. 2. С. 54–59.
5. *Голубов К. Е.* Образованность. // Истина. 1867. К. 1. С. 30–35.
6. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11: Бесы. Глава «У Тихона»: Рукописные редакции. / Ред. коллегия.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1977.
7. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11: Бесы. Рукописные редакции. / Сост., подгот. текста И.А. Битюгова, Н. Ф. Буданова, Т. И. Орнатская. М: Наука, 1974.
8. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 12: Бесы. Рукописные редакции. Наброски 1870–1872.

/ Ред. Коллегия.: В.Г. Базанов (отв. ред) и др. М.: Наука, 1975. С. 170–180.

9. *Iwaniec Eugeniusz. Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia: Karty z dziejów duchowości ros. w drugiej połowie XIX wieku.* – 2001

10. Справочная литература и др.

Практическая значимость дипломной работы заключается в предложении нового восприятия планируемого образа «нового человека» в «Бесах».

В первой главе работы будет представлено обобщение исторических сведений о жизни и творчестве К. Е. Голубова, доступных Ф. М. Достоевскому, анализ оригинальных публикаций К. Е. Голубова.

Вторая глава включает анализ доступных публикаций рукописей к первой редакции романа «Бесы» Ф. М. Достоевского с января 1870 по апрель 1870 года, будет прослежена динамика образа Голубова.

В заключении будут подведены результаты исследования и сформулированы окончательные выводы по рассматриваемой проблеме.

ГЛАВА 1. ЛИЧНОСТЬ К. Е. ГОЛУБОВА

1.1. Статья Н. И. Субботина «Русская старообрядческая литература за границей», путь К. Е. Голубова от старообрядчества к официальной православной церкви

О личности К. Голубова Достоевский впервые узнал из статьи Н. И. Субботина «Русская старообрядческая литература

за границей», опубликованной в журнале «Русский вестник» в июльском номере за 1868 год. Об этом свидетельствует письмо Ф. М. Достоевского, адресованное А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 года из Флоренции: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Прусском, о котором напечатана статья с выписками в июньском номере «Русского вестника» [писатель ошибся номером журнала]. Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей» [Достоевский 1985, 328].

В комментариях к рукописным редакциям «Бесов» И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова ссылаются на предположения А. А. Долинина относительно возможных встреч Достоевского во время пребывания в Женеве в 1867–1868 гг. с представителями эмиграции [Достоевский 1975, 178]. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары жены Достоевского – Анны Григорьевны, в них упоминаются кратковременные встречи в 1867 году мужа с Н. П. Огаревым [Достоевская 1987, 188]. Можно предположить, что Достоевский мог узнать от второго нечто большее о К. Голубове. Однако, прямых свидетельств этому нет.

Несмотря на то, что о фигуре К. Голубова прежде говорилось мало, в последние годы она стала привлекать исследователей. Этому свидетельствует монография польского ученого – Е. Иванеца «Дорога Константина Голубова из старообрядцев в православие: карты из истории русской духовности во второй половине XIX в» за 2001 год.

В работе Е. Иванеца более подробно говорится о жизни и творчестве К. Голубова, чем в исследовании И. А. Битюговой и Н. Ф. Будановой.

О личности К. Голубова из работы Е. Иванеца можно выделить следующее: он родился в 1842 году в Витебске. Отец – Ефим Яковлевич Чайков, вероятнее всего, был крепостным. Кроме того, Е. Иванец часто ссылается на вышеупомянутую статью Н. И. Субботина «Русская старообрядская литература за границей», в которой говорилось, что в монастыре важную роль в формировании личности и характера подростка имел игумен Павел Иванович Леднев (1821–1895), больше известный под именем Павел Прусский.

Именно он начал привлекать подростка к различным работам. К. Голубов был архивариусом монастыря Святой Троицы и Спасителя и правой рукой игумена. Для Павла Прусского было важно, чтобы его старообрядческие братья были духовно-просвещенными. Имея за плечами колоссальный опыт работы с религиозной литературой, он знал, что книга может быть мощным религиозным оружием, поэтому каждый год в монастыре выделялась определенная сумма денег на покупку морализаторских и догматических книг.

Е. Иванец говорит, что около 1859 года Павел Прусский решил создать собственную типографию. Однако, этот момент является спорным, так как в вышеупомянутой статье Н. И. Субботина о типографии Павла Прусского говорится следующее: «В 1862 году инок Павел, известный у старообрядцев под именем Прусского, вошел в соглашение с содержателем типографии в Иоганнесбурге, Гонсеровским, выписал из Праги славянский шрифт, и на предоставленном в

его распоряжение станок в типографии Гонсеровского открыл печатание старообрядских книг» [Субботин 1868, 325-326].

Несмотря на подобные расхождения в датах, известно, что после возникшей в монастыре полемики относительно брака (так называемый «раскол» в монастыре произошел из-за того, что Павел Прусский позволил своей жене исповедоваться и вместе помолиться перед Пасхой), К. Голубов поделился своими мыслями с Павлом Прусским и желанием покинуть монастырь.

По мнению Н. И. Субботина, с которым в некоторой степени соглашается Е. Иванец, еще одной причиной желания создать свою собственную типографию является не только ожесточенный идеологический спор старообрядцев внутри монастыря, но и один из лучших учеников игумена. Павел Прусский был равнодушен к личности К. Голубова. Он считал молодого человека одаренным и желал помочь найти ему занятие, которое могло дать необходимые к существованию средства. Выбор пал на печатное дело. Более того, инок Павел понимал, что с помощью юноши мог вести свою проповедческую деятельность.

Как говорит Н. И. Субботин, после изучения основ типографского дела у А. Гонсеровского, К. Голубов приступил к работе. Он одновременно выступал мастером печати, наборщиком, печатником, корректором.

Первая напечатанная кириллицей книга (в Мазурии) К. Голубова имела название «Путь спасения» и была издана в 1860 году. По мнению Е. Иванца, данная книга является «дебютом» К. Голубова, так как, по всей видимости, не только некоторые соображения и комментарии Павла Прусского были

включены в текст, но и его главного ученика. Однако, нужно заметить, что подтверждения данного суждения в исследовании Е. Иванца нет. Кроме книг, печатавшихся в пользу брака Павлом Прусским и К. Голубовым, были церковные старообрядческие книги.

В 1867 году Павел Прусский покидает Восточную Пруссию и возвращается в Российскую Империю. Причиной этому событию во многом послужил нарастающий прусский милитаризм в связи с прусско-датской войной. Из всех учеников инока Павла, первым последовал его примеру К. Голубов. Он был ярким противником западноевропейской культуры, поэтому не хотел оставаться в подобной угнетающей атмосфере в Восточной Пруссии.

Относительно переезда К. Голубова в Россию Е. Иванец выяснил следующее: К. Голубов в 1867 приехал в Санкт-Петербург, встретился с прокурором Священного Синода Д. Толстым и предложил использование своей типографии. Однако Д. Толстой отказался решать подобные вопросы без согласия московского митрополита – Филарета, поэтому К. Голубов был вынужден отправиться в Москву и прибыл 27 февраля 1867 года. 13 марта 1867 года К. Голубов направил официальную письменную просьбу митрополиту Филарету о своем желании перейти в единоверческую церковь. Более того, он просил о переводе своей типографии из Восточной Пруссии в Россию для «искреннего служения сближению старообрядцев с православной церковью посредством полемических осознанных сочинений» [Iwaniec 2001,176]. К. Голубов, по заявлению Е. Иванца, пытался заверить митрополита в своих многочисленных связях в центрах

беспоповцев, как в России, так и за границей. Однако, К. Голубов считал, что «в поддержке печатном слове» нуждаются общины в Санкт-Петербурге и Пскове [Iwaniec 2001,176]. В результате 17 мая 1867 года К. Голубов дополнил свое обращение информацией относительно имеющих в его типографии шрифтов: кириллического и гражданского.

На данную просьбу митрополит Филарет ответил 8 июня 1867 и уточнил условия, при которых типография К. Голубова может быть разрешена. Для Филарета было важно, чтобы типография имела конкретную цель, а именно убедить беспоповцев перейти в единоверческую православную церковь. Тексты должны были печататься только церковным шрифтом, как это было осуществлено К. Голубовым в его журнале «Истина». Помимо этого, за типографией должен был осуществляться надзор двумя наблюдателями, выбранными из духовенства. Митрополит Филарет рассматривал вопрос о переводе типографии из Восточной Пруссии в Москву. Е. Иванец заметил, что подобное предложение понравилось Н. И. Субботину. Однако, в последствии от данной идеи отказались. Во многом это произошло, по предположению Е. Иванца, из-за нежелательной конкуренции между старообрядцами и единоверцами. Единоверцы боялись, что полемические книги, направленные против движения старообрядцев, могут спровоцировать недоверие староверов, и те, в свою очередь, могут начать создавать нежелательные секретные типографии. Сам же К. Голубов позже отмечал, что московские единоверцы несмотря на положительное отношение митрополита Филарета к его деятельности, не хотят с ним сотрудничать из-за его

оценки православных обрядом «как более совершенных» [Iwaniec 2001,177].

23 июня 1867 года К. Голубов официально перешел в единоверческую церковь. Он причастился в Никольском монастыре, вся церемония проходила под руководством священника А. Брилланова. По мнению Е. Иванеца, К. Голубов во многом опередил своего учителя – Павла Прусского, но подобная спешка в переселении была «продиктована надеждой на скорейшее решение вопроса» [Iwaniec 2001,177].

К. Голубов в то время принял участие в переговорах делегаций мазурских старообрядцев с царскими властями о переселении первых в Литву. Результатом этих переговоров был личный прием делегации старообрядцев 2 июля 1867 в Петергофе Александром II. Кроме К. Голубова присутствовал старообрядец Тихон Крымов и его сын Никифор. Следует заметить, что это событие надолго запомнилось К. Голубову, и в 1882 году он опубликовал «Воспоминания о царе-освободителе Александре II», написанные в стихотворной форме, что в свою очередь так же указывает на неординарную личность бывшего старообрядца.

Немало важным фактом является то, что в статье Н. И. Субботина, подробности перехода К. Голубова из старообрядческой в единоверческую опускается. Однако, он замечает, что вопрос с типографией решался долго, и К. Голубов был вынужден вернуться обратно в Мазурию и ожидал решение данной проблемы именно там [Субботин 1868, 103]. Несмотря на сложившиеся трудности, К. Голубов, по оценке Н. И. Субботина, решил не терять время. Он начал подготавливать новые материалы для своего религиозного

журнала «Истина». В конце декабря 1867 года и в начале января 1868 года он завершил печать. Н. И. Субботин делал акцент на том, что большая часть работ в «Истине» все же были написаны до присоединения К. Голубова к единоверческой церкви. [Субботин 1868, 103]

Позже К. Голубов решил попросить облегчения и предложил обосновать типографию в Пскове или Даугавпилсе. В ожидании решения царских властей К. Голубов пытался установить более тесные отношения с православным духовенством в Сувалках [Iwaniec 2001,1 77-178]. Для этого в феврале 1868 года он связался со священником Николаем Соколовым, после некоторых встреч К. Голубов показал «Истину». Журнал произвел большое впечатление на священника, тем самым, как говорит Е. Иванец, это действие помогло популяризовать журнал в Сувалкском регионе, в особенности, среди «легального» духовенства, так как тот в свое время написал на него отзыв [Iwaniec 2001,177-178]. Помимо этого, К. Голубов лично раздавал второй номер журнала в Мазурии и Сувалках.

9 февраля 1868 года Священный Синод принял решение о переносе типографии К. Голубова из Восточной Пруссии в Россию в город Псков. Как говорит Е. Иванец в письме от 20 февраля 1868 года К. Голубову сообщили условия, на которых он может перебраться в Россию. Его типография должна была иметь определенную цель и работать только с предложенными ранее программами. В самих публикуемых текстах должны были быть представлены ошибки верований старообрядцев; разрешалось приводить выдержки из старообрядческих книг относительно отдельных религиозных обрядов и обычаев;

категорически запрещалось освещать текущие новости в России и перепечатывать книги «Московского издательства». Было обязательно курирование работы типографии несколькими священнослужителями. К. Голубов был обязан печатать все книги тем же самым шрифтом, который использовался в печати журнала «Истина» (и который К. Голубов показывал властям как стандарт). 15 марта 1868 года Голубов сообщил Экономическому отделу Священного Синода, что он принимает все условия; 28 марта 1868 года Голубов вместе с семьей приехал в Россию.

Безусловно, нужно учитывать тот факт, что, вероятнее всего, Достоевский не знал все детали перехода К. Голубова к единоверческой церкви и его проблем с типографией, так как в статье Н. И. Субботина об этом говорится сравнительно мало. Писатель мог знать только факт того, что некий старообрядец решил вернуться в Россию и основать свое печатное дело, но он был явно заинтересован самими работами Голубова [Немировский 2019, 8–10].

Далее, на основе личного научного исследования за прошлый год, будут рассмотрены статьи Н. И. Субботина и проанализированы работы К. Голубова [Воронцова 2019, 7].

Н. И. Субботин замечал, что в период ожидания решения о переселении, К. Голубов занимался работой над своим религиозным журналом. Он кардинально изменил его формат (он стал полноценной книгой), кроме работ К. Голубова в журнале стали публиковаться работы других старообрядцев, перешедших в единоверческую церковь, вопросы читателей и ответы на них главного редактора (которым являлся сам К. Голубов).

Одним из интересных моментов в статье Н. И. Субботина является то, что он обращает свое внимание только на старые работы К. Голубова, которые писались в годы старообрядчества и под влиянием Павла Прусского, опубликованные в «Истине» за 1867 и 1868 год [Субботин 1868, 101-104].

Кроме этого, из-за основанной в Пруссии типографии и благодаря врожденным способностям, как замечает Н. Субботин, К. Голубов привлек внимание «лондонских просветителей русского старообрядчества»: «... ему посылались не только разные «лондонские издания «вольной русской типографии»», в которых решению современных философских и социальных вопросов уделялось, как известно, не последнее место, но и собственные рукописи лондонских просветителей, вызывавшие талантливое старообрядца к серьезному размышлению об этих вопросах» [Субботин 1868, 104].

«Лондонским изданием» Н. Субботин называет газету «Колокол», организованную А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. С целью подвести читателей «Русского вестника» к переписке К. Голубова с Н. П. Огаревым, Н. И. Субботин ссылается на свою прошлую статью «Раскол как орудие враждебных России партий» (1867 г.), где с предельной точностью объяснялся интерес представителей русской революции к расколу в русской церкви.

Такие представители старообрядчества как Павел Прусский и К. Голубов были интересны А. И. Герцену и Н. П. Огареву из-за их теории, «что старообрядцы показывали и показывают не меньше терпеливости, чем и русский народ, из-за стеснения их религиозной свободы. Искренние

старообрядцы, которые выступали против правительства, делали это во имя религии, ради защиты «старой веры» [Воронцова 2019, 8]. Антирусские революционные партии видели раскол церкви социально-демократическим явлением, раскольников – враждебно настроенными против действующего правительства и готовыми пойти против него. [Субботин 1867, 8]. Тем самым, начиная с 1860 года представители русской революции за границей думали о единении «своей революционной деятельности с деятельностью старообрядцев за границей» [Воронцова, 2019, 8]. Для реализации своих намерений они создали отдельную часть изданий «вольной русской типографии», доверенную А. И. Герценом В. И. Кельсиеву. В результате в 1860 году В. И. Кельсиев опубликовал «Сборник правительственных сведений о раскольниках» [Субботин 1867, 100]. Он по «должен был показать всем старообрядцам плохое отношение русского правительства к любой раскольнической деятельности, и тем самым, настроить их против действующей власти» [Воронцова 2019, 9].

Во второй половине 1862 года в газете «Колокол» стало публиковаться отдельное приложение с названием «Общее вече», читателями которого должны были стать старообрядцы и представители «простого» народа. Главным редактором «Общего вече» стал Н. П. Огарев. По замечанию Н. И. Субботина в статье «Раскол как орудие враждебных России партий» данное приложение представляло собой «уроки политической мудрости старообрядцам» и «производились в духе таких же идей обозрения современных событий, и

старообрядцы призывались к деятельному в них участию» [Субботин 1867, 105].

Представители русской революции не исключали и живое общение со старообрядцами. Это свидетельствует «Исповедь» В. И. Кельсиева, где описывается его встреча с Павлом Прусским в 1862 году. Особый интерес составляет первое письмо, адресованное редактору «Колокола», от 4 марта 1863 года: «Прошу вас вторительно прислать ваш ответ, то есть «Общее вече» – тот номер, в котором положен ваш ответ, а что вы, любезнейший желаете с нами иметь переписку, я вам без лукавства говорю: я человек не ученый, а политических дел плана почти и вовсе не знаю, от коммерческих дел я удалился в юности и о них никогда не занимался почти и разговорами» [Рындзюнский 1956, 135]. Редактор «Общего вече» просил Павла Прусского продолжить дискуссию, начало которой было положено Н. П. Огаревым в статье «Ответ на письмо об «Общем вече», во втором номере от 22 августа 1862 года.

Данная статья была обращением к некому «иноку» и аргументов против его рассуждений относительно плюсов частной собственности. Личные просьбы Н. П. Огарева в ответе Павлу Прусскому говорят о том, что письмо могло быть прислано в редакцию либо самим иноком Павлом, либо одним из его лучших учеников – К. Голубовым: «Поэтому меня в самом деле огорчает глубоко то, что вы отказываетесь от участия в деле общественном. Неужели вы думаете, что человек может найти душевное спасение, оставаясь равнодушным к устройству общества человеческого? Ведь это значит коренное равнодушие к ближнему! Это значит тяжкий грех, а не спасение» [Рындзюнский 1956, 136].

Однако, нужно не отвергать гипотезу, что письмо в редакцию действительно могло быть отправлено К. Голубовым. Одним из доказательством может быть факт, что К. Голубову присылались периодические издания «лондонского издания «вольной русской типографии»» [Субботин 1868, 104]. Об этом так же замечал Е. Иванец, опираясь на отчет, сделанный чиновником при осмотре письменных материалов К. Голубова, во время переезда в Россию. В отчете фиксировались не только церковнославянские книги, но опубликованные в Лондоне, с названием «Общее вече» и, что является не менее интересным, – стихи Н. П. Огарева. Однако, К. Голубов не имел никакого разрешения на ввоз в Россию подобные печатных материалов, власти Пскова 20 мая 1868 года их изъяли [Iwaniec 2001, 179].

По мнению Н. И. Субботина представители русской революции знали об увлечении одного из лучших учеников Павла Прусского работами различных философов, политиков и экономистов того времени и надеялись, что молодой человек начнет с ними сотрудничать.

Однако ожидания Н. П. Огарева и А. И. Герцена не оправдались, так как К. Голубов смог найти «отпор в своем строго-старообрядческом образовании, в тех религиозно-нравственных началах, которые лежат до сих пор в основании старообрядчества, как в основании православия, несмотря на все безобразие раскола в его частных и случайных проявлениях» [Субботин 1868, 105]. Более того, по замечанию Е. Иванца: «В конце пребывания в Восточной Пруссии К. Голубов не так сильно критиковал старообрядческие согласия, как экономические и философские взгляды эмиграции, и прежде всего взгляды Н. Огарева и А. И.

Герцена» и «исследуя «Истину» К. Голубова...можно узнать, что он не нашел правды в сочинениях западных философов и экономистов, и ему чужд был протестантский рационализм и тот идеал свободы, о котором писали западные публицисты и мыслители. Прежде всего его сильно поразил западноевропейский капитализм» [Iwaniec 2001, 244].

1.2. Полемика К. Е. Голубова с редакторами газеты «Колокол» Н. П. Огаревым и А. И. Герценом

Несмотря на то, что К. Голубов отказался от содействия представителям русской революции, общение с ними все же не прекратил. Это доказывают статья «Частные письма об общем вопросе», опубликованная К. Голубовым в «Истине» в 1867 году. В письмах Н. П. Огарева четко прослеживается цель: «завлечь его [Голубова] в свое общество и через него действовать на других старообрядцев» [Субботин 1868, 105]. Как было отмечено в предыдущем исследовании, Н. П. Огарев часто делился со старообрядцем последними тенденциями в философских и социальных науках [Воронцова 2019,11]. Таким образом, наибольший интерес представляют сами письма К. Голубова, которые, скорее всего, и привлекли внимание Достоевского.

Первое письмо К. Голубова датируется 1 июлем 1866 года и является ответом на письмо Н. П. Огарева от 15 марта того же года. Н. П. Огарев критиковал веру в так называемый «метафизический мир», ссылаясь на последние работы современных философов. В свое время, К. Голубов пытается построить свои аргументы вокруг вопроса относительно

уничтожения неравенства собственности и восстановления «равенства» среди людей: «И как могло сложиться при отсутствии положительной нравственности, когда один ленится, другой работает, один болен, другой притворяется, один простодушен: другой вероломен?.. Принудить к равенству нельзя, чтобы не нарушить закон свободы. И что выходит? Разложение. Стало- быть, невозможно общинное владение без положительно-нравственной силы сцепления» [Голубов 1868, 46].

Более того, К. Голубов не боялся скрывать своего отношения к агрессивной пропаганде редактора «Общего веча»: «Злонравственность, безмерная разъединённость, потеря любви, есть жерло зла всемирного. Так обширно владение злонравственности, что мы злимся на зло окружающее нас, а не видим, что мы причина его, не понимаем, что оно и в нас самих есть, – истреблять зло злом» [Голубов 1868, 48]. Н. П. Огарев во многом выражал несогласие с К. Голубовым, он считал, что народное благополучие невозможно достичь только при помощи обращения всех людей к «нравственности». Под «нравственностью» «он подразумевал часто употребляемую К. Голубовым метафору религии» [Воронцова 2019, 15]. Под «религией» имелось в виду раскольничество, так как переписка датируется 1866 годом, когда К. Голубов и Павел Прусский еще не перешли в единоверческую церковь.

В комментарии к данному отрывку Н. И. Субботин замечал, что, вероятно, редакторы «Колокола», получив подобный ответ, остались им не довольны. Их смущал правоведческий тон письма, хотя стоило ожидать, что многие

темы К. Голубов воспринимает через призму учения Священного Писания и иного просто не могло быть. Старообрядец и сам это понимал, поэтому свое второе письмо Н. Огареву он начинал со слов: «Я прежде должен оговориться, что не стану вам навязывать религию, какую бы-то ни было. Я отвращаюсь бессознательности» [Голубов 1867, 51].

Тем не менее, далее К. Голубов пытался разъяснить идею религии в целом. По его мнению, человек должен прийти к религии осознано. С помощью религии можно достичь гармонии в обществе и объединить его. Во втором письме К. Голубов затронул тему социального неравенства полов, в особенности он не соглашался с теорией Шарля Фурье относительно темы «женского вопроса». Бывший старообрядец был ярким противником социализма в любом виде и как человек, придерживающийся религиозным догмам, и выступающим за патриархальную модель организации общества: «Вообще, женщина, по нетвердости телесного развития мускулов, не способна к трудам тяжелым, но только к домашним, легким. В этом ее равноправность или и преимущество, как хотите назовите. Неудобно мужчине детовоспитание, неудобны и женщине дела народные... Кто же из здравомыслящих осмелится дать всякой женщине должность всякого мужчины, и требовать того от всякой женщины, чего требовать естественно от всякого мужчины? Дело немислимое. Не только полноправность, но даже и преимущество и предпочтение заслуживает женщина в делах щекотливых, в необходимости естественного долга, в делах детовоспитания и домашнего попечения. В подобных случаях предпочтение заслуживает ее способность естественная. Но

требовать с нее дел общественных на столько, сколько требуется с мужчины, совершенно несправедливо и безрассудно. Преимущество заслуживает способность. Сильный заслуживает преимущество в силе, умный в совете, мужчина в промышленности, женщина в детовоспитании и домострое. Женщина, в сравнении с мужчиной, не имеет столько способности в делах промышленных, сколько в домострое» [Голубов 1867, 58]. На подобные высказывания Н. П. Огарев ответил, что «общественное развитие не может идти от религиозного начала к осуществлению социального экономического содержания» [Голубов 1867, 61]. В прошлом исследовании было отмечен факт того, что в данном отрывке Н. П. Огарев противоречит самому себе.

Подтверждению служит статья «Об общем вопросе», опубликованная в виде приложения в газете «Колокол» за 22 августа 1862 года, как ответ на письмо некоего «инока». Тогда, касаясь вопроса «общественной земли» Н. П. Огарев цитировал Ветхий Завет (Лев.) 25, убеждая, что в этой части «говорится о продаже на срок, на срочное владение, – это и называется в просторечии наймом», а «...это значит, что общее, не человеком сделанное достояние – не может быть дано навсегда, в вечное частное владение... И древние Иудеи жили в богатой стране, так как жили «на основаниях срочного поземельного пользования» [Колокол 1964, 13]. В данном отрывке четко прослеживаются намерения Н. П. Огарева и А. И. Герцена привлечь внимание старообрядцев, войти к ним к ним в доверие с ложной теорией, что с помощью религии можно достичь идеального социалистического общества: «Подымите ваш чистый голос [имеется в виду голос «инока», написавшего

письмо в редакцию «Колокола»] на общее дело, чтобы общими силами, общим трудом мощно подвинуть вперед устройство общественное в духе любви и правды» [Колокол 1964, 14].

Можно предположить, что К. Голубов помнил об этом, так как третье письмо начинается со слов: «Я тоже хочу быть откровенным с вами, писал он, и презирая всякое лицемерие (дипломатию) говорю, что ваша политика в разнузданности пристрастий не столь искренна экономическому социализму (сберегательному развитию), сколь правоверие уничтожением пристрастий и самостеснительным свободным воздержанием» [Голубов 1867, 61]. Он искренне верил, что одним из немногих, что могло бы объединить всех людей и делать что-либо сообща, была христианская религия. В представлении бывшего старообрядца простой русский человек делает «все дружно (толково), убирать поля, вывозить лес, строить жилища и пр.» только при условии, если он верит в Бога. И по мысли К. Голубова формула вселенского счастья заключается в одном: «Союз веры христовой правой, (т. е. сознательной по проявлениям Божества, и по проявлениям пользы дел) образует благонравствие, а притом же и материальный быт способствует к дружному деланию общей пользы в России» [Голубов 1867, 61].

Помня свое происхождение, К. Голубов воспринимал себя защитником народа, в переписке он часто делает на этом акцент, называясь «мужиком»: «... с мужика много требовать, надеюсь, вы не будете. Я только говорю вам об нашем мужицком русском понятии дел общественных» [Голубов 1867, 62]. Здесь «общественными делами» он называет попытки антиправительственных партий трансформировать русское

общество по принципам учения о социализме. О современных философских учениях, которые революционеры хотели реализовать в реальной жизни, он так же добавлял: «Знание того, что не употребляется; не послужит ни к чему, – только голову вскружит; всякий не обязан все знать, – на то есть университеты» [Голубов 1867, 65]. Подо «всяким» К. Голубов подразумевал людей крестьянского происхождения, не имеющему никакого образования. Вероятно, бывший старообрядец намекал на «Общее вече», которое «мужик» не сможет не только понять, но и прочесть.

В статье Н. И. Субботин считал третье письмо К. Голубова самым убедительным доказательством для редактора «Колокола», что старообрядцы не хотят выступать против действующей власти в России и содействовать с радикально-настроенными партиями.

Далее следует привести наиболее интересные места из письма: «Христианское вероучение о взаимной любви и сознание пользы взаимных сил и донныне убеждает Русских делать все дружно (толокою), убирать поля, вывозить лес, строить жилища и пр., между тем как на Западе составляющейся артели рабочих людей не дружно работают, там все не предназначаются поработать в пользу одного». По замечанию Н. И. Субботина, К. Голубов резко заявляет, что не считает, что Россия не отстает в развитии от Запада, и для усиления своего мнения, бывший старообрядец упоминает мирное решение крестьянского вопроса (крепостного права) и далее продолжает описание о жизни крестьян, а заканчивает письмо словами: «Вы не оскорбляйтесь, любезный Николай Платонович, что я разгулялся в выражениях простоватых: с

мужика много требовать, надеюсь, вы не будете. Я только говорю вам об нашем мужицком русском понятии дел общественных» [Субботин 1868, 330].

Письмо от 14-го сентября 1867 года является четвертым и последним в статье «Частные письма об общем вопросе», опубликованное в период после присоединения К. Голубова со своим наставником – Павлом Прусским к единоверческой церкви: «В настоящее время мы [старообрядцы] положительно о себе сказали, что мы стоим за церковь и государство. Два имя, заветных для нас и присных нам, а враждебных вам и всей вашей жизни. Значит, мы стоим на противоположной стороне перед вашею пропагандою. Как жалко личностям вражды мы не имеем, но – к неправде... Без церкви и государства невозможно существование народа. Церковь – значит соединение народа правоверного, а государство – учреждение надзора за благосостоянием церкви... Народ и порядок – вот что значит в полном смысле слова церковь и государство». [Голубов 1867, 70–72]. Исходя из прошлого исследования, при рассуждении о выгодах всех идей, пропагандируемые Н. П. Огаревым и А. И. Герценом, К. Голубов в своих работах часто употреблял слово «Россия» и словосочетание «русский народ» и отстраненно рассуждал о государственной политике России, однако после перехода к официальной церкви, стал чаще поднимать данный вопрос и защищать работу государственного аппарата.

В четвертом письме К. Голубов цитировал статью «Что надо делать духовенству» Н. Огарева, которая была опубликована в «Общем вече» 22 октября 1862 года, где автор заявлял: «Теперь духовенство – чиновничество, которого шеф

Синод, где заседают монахи и сановники из русских и даже немецких немцев, подчас и военные генералы. Этот синод, этот шеф, эта странная коллегия из монахов, будто бы отказавшихся от мира сего, а в сущности доползших до своего чина угодами светской власти, и из военных в штатских генералов, которые пришли делиться грабежом с монашествующими сановниками и содержать остальное духовенство и народ в повиновении себе и всяким светским властям, не менее их грабящим – эта странная коллегия имеет целью, конечно, не проповедовать слово божие, а управлять. Чем управлять? Духовными делами» [Колокол 1964, 33]. Видимо, К. Голубова подобные слова оскорбили, потому что большую часть письма он уделяет внимание месту церкви как в государстве, так и в жизни каждого человека. Для него церковь – одно из мест, которое способно объединить представителей всех сословий благодаря «общего дела» [Голубов 1867, 77]. Однако не только вышеупомянутой статье Н. П. Огарева бывший старообрядец посвящает свой анализ, но и другим работам собеседника в «Общем вече». К. Голубов для подтверждения своих аргументов ссылался на статью Н. Субботина за 1867 год и соглашался со всеми выводами автора: «Понимаю, когда человек выстроил теории и приобретает последователей, тогда не легко бывает ему услышать доказательства и объяснения, делающие их несостоятельными и недостаточными, ему не легко бывает исправить их и пополнить» [Голубов 1867, 79]. К. Голубов практически открыто говорит обо всей деятельности А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Он цитирует «Пророчество Даниила», тем самым отсылая своих читателей к мысли о деятельности революционных

партий. В данной части Ветхого Завета повествуется о конце языческой веры, так как над ними станет властвовать некая личность. Она попытается истребить народ, с которым Бог связан узами завета, и будет мешать установлению Царства Иисуса Христа на земле.

Таким образом, для К. Голубова люди, ставшие одержимыми какой-либо теорией, становятся абсолютно безнравственными по причине отказа от веры в Бога, а подобные издателям «Колокола» революционеры становятся подобием антихриста. За «Пророчеством Даниила» К. Голубов приводит цитаты из «Апокалипсиса», в которых говорится об антихристе. Письмо, в свою очередь, он завершает словами проповеди : «А лучше давайте стараться обчищать осадки бессознательного зла на людях образованных, и приводить их в то состояние свободы, в которой бы им не вредило ни богатство, ни бедность, ни рабство, ни господство, ни царь, ни воин: (ибо это имена общих служений), но только бессознательная злонравственность произвола» [Голубов 1867, 93].

«Частные письма об общем вопросе» не ограничиваются перепиской с Н. П. Огаревым, а продолжаются письмом, озаглавленным как «Нашему старознакомому путешественнику», точнее выдержкой из письма. Именно на него Н. И. Субботин делает наибольший акцент в статье. Данное письмо было получено К. Голубовым от бывшего последователя идей основателей «Колокола», и как говорит Н. И. Субботин, автор письма «с горечью и негодованием раскрывает своему приятелю-старообрядцу всю преступность пропаганды органом, который служил доселе лондонский

листок и заявляет, что никакого участия в ней принимать больше не хочет» [Субботин 1868, 349].

Конечно, К. Голубов имя пишущего не раскрывает, но, следует предположить, что им является В. И. Кельсиев. На это указывает сокращение фамилии, которое употребляет К. Голубов в прощании: «...до свидания, любезный К-вь» [Голубов 1867, 97], и факт поздней публикации «Исповеди» Кельсиева [Воронцова 2019, 19]. В свое время К. Голубов радуется за «любезного К.» и говорит ему: «Мы не согласны укорять издателей этого журнала [Колокола]; но понимаем, что свойственно делать человеку необузданному и советуем вам простить их [скорее всего, Н. П. Огарева и А. И. Герцена], пропитанных отступлением. А читают их, известно вам, все любители запрещенной сладости, – кто с сочувствием, а кто из любопытства... Но довольно нам ценить давно оцененное безверие. Это в человеческом бытие не новость. Старики помладенствуют и, детски побаловавшись, вразумлятся; а нет? – ну, пропадай они в упрямстве! Нам для самих себя важен догматический союз веры, правдиво сплотивший Россию» [Голубов 1867, 96–97].

1.3. Анализ оригинальных публикаций К. Е. Голубова в религиозном журнале «Истина»

В «Частных письмах...» К. Голубов часто поднимает тему «самоуправления» и «самостеснения» своих искушений, которые способны помочь обрести нравственную свободу. По К. Голубову, подобная нравственная чистота человека во многом зависит от его вероисповедания и окружения. В данном случае

православная вера является наиболее верной и «праведной», нежели другие (западные и восточные), которые переполнены различными противоположными крайностями, способными опять привести человека к безнравственности. Наиболее четко данные идеи прослеживаются в статьях с названием «Истинное благо», «Плод жизни» и «Образованность».

В статье «Плод жизни» главной темой является проблема противостояния России Западу. Он вводит проблему с размышления о том, как поменялось отношение людей к появлению чего-то нового. Так, если раньше люди благодарили Бога за его помощь в изобретении, то сейчас все полученные результаты человек присваивает только себе, ссылаясь только на свои старание и отсутствия помощи из вне. Именно поэтому в обществе происходит «борьба» неверующих людей (здесь он подразумевает молодое поколение нигилистов) против всех существующих религий. Остановить подобные распри может только православная вера. По учению К. Голубова юноши должны жениться в возрасте шестнадцати лет, а девушки – четырнадцати. Это обусловлено одной причиной: в этом возрасте человек еще не успевает получить западное университетское образование и попасть под влияние модных теорий. «Безверие», по его словам, начинается с Запада, где распространены разные науки.

Семейная жизнь, в свое время, может быть спасением: «Брак есть неизбежное влечение к безпристрастию...брак есть убийство личности, и мать трудолюбия...брак есть любомудрая жизнь совета и дружества» [Голубов 1867, 22]. В таких браках рождаются нравственные дети, которые будут счастливы и будут уважать своих родителей, однако, по мнению К.

Голубова, подобное явление характерно только для православных людей: «родители в бессознательной религиозности на Западе, не имеют связи любовной с детьми своими, по недостаточности религиозных убеждений, для жизни благоразумной и самосознательной» [Голубов 1867, 40]. По Западным традициям, родители отдают своих детей на попечение гувернанткам и гувернерам, которые зачастую не дают детям должного нравственного образования и воспитания, и в настоящее время в русских семьях прослеживается подобное явление: «Современное воспитание юности, стремится к безграничной свободе и независимости... Что скажем о происхождении случайных семейств, несвязанных не только религиозным, но и каким союзом, это совокупление свободных безверников, они совокупаются, расходятся, меняются, рожают детей в ненависти к ним за то, что они связывают свободу их развратной жизни» [Голубов 1867, 42].

В «Истинном благе» так же затронута тема безверия и истинной веры. В этой работе К. Голубов убежден, что атеизм порождает в человеке разнообразные «мрачные мысли», которые ведут к распутству и беззаконию; подобный образ жизни он называет «скотоподобным» [Воронцова 2019, 21]. Единственным спасением является отказ от заблуждений: «Только любовь может возвысить человека до совершенства Божьего, а высочайшая степень этой любви есть совершенная любовь, заставляющая нас любить Бога ради его самого, а все прочее в обращении к нему» [Голубов 1867, 44].

Приведенные выше статьи К. Голубова Н. И. Субботин только упоминает, но подвергает анализу одну статью –

«Образованность». Скорее всего, это обусловлено тем, что именно в этой работе К. Голубов выступает непосредственно против западного образования. Однако, на самом деле, он «ратует» не против западного прогресса, а против точки зрения людей, придерживающихся мнения, что «...там (на Западе) свет наук и просвещения...словом – все прекрасное, а на Востоке – только мрак невежества, застой, рабство, словом все дурное, и возбуждают понять необходимость прогрессивного стремления к свободе неограниченной и жизни пристрастной, изъясняют потребность быстрого самоусовершенствования в настойчивых преследованиях государственных целей и к восстановлению самоуправления» [Голубов 1867, 47].

Более того, К. Голубов ссылается на пропаганду западной модели общества, которую пытаются распространить русские революционеры, к которой причастны А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Однако он не выступает против образования в целом: «Забота о просвещении дело похвальное и необходимое потребное. Никто не имеет права противоречить благому намерению ученых, но все ищущие народного блага, от увлечения противоположными крайностями...» [Голубов 1867, 54]. По его мнению, человек должен мыслить критически, а не верить всему, что ему только удастся узнать. Главной проблемой современности К. Голубов считает тенденцию среди молодого поколения в увлечении современными теориями. Под «злом» К. Голубов имеет в виду насилие, которое осуществляют революционеры против действующей власти, так как молодые люди считают Россию непрогрессивной страной. Единственным спасением для этих людей он считает религию.

Кроме того, как было определено в раннем исследовании, Н. И. Субботин не поставил своих читателей перед фактом того, что статью «Образованность» К. Голубов писал в ответ на работы В. И. Ламанского, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения». Об этом свидетельствуют вступительные и заключительные части статьи, в которых есть конкретные обращения к Ламанскому [Воронцова 2019, 22].

Большинство приведенных к анализу публикаций К. Голубова были написаны до перехода из старообрядческой в единоверческую церковь, и, несмотря на активные действия со стороны основателей «Колокола», он смог найти отпор различным философским теориям. Нужно учитывать факт присутствия в его жизни религиозного начала. Главной обязанностью для К. Голубова, которой он пытался придерживаться, была мысль о «самоограничении». По его мнению, между верой и нравственностью есть тесная и неразрывная связь: «первое необходимо, и отражается в последней, и последняя есть не что иное, как деятельное проявление первого» [Голубов 1867, 23], именно поэтому он отвергал все идеи социализма и пытался переубедить людей, ступивших на путь революции.

Таким образом, можно предположить, что Достоевского привлекла фигура К. Голубова из-за его радикальных взглядов относительно различных эмансипаций, которые были предложены представителями русской революции. Факт переписки бывшего старообрядца с молодым человеком, который отрекся от революционной деятельности, мог положить начало идее о столкновении в пространстве

будущего романа «нового человека» с нигилистом (в романе «Бесы»). Однако, нужно учесть, что прежде всего, первое упоминание о К. Голубове было сделано Достоевским в 1868 году в письме А. Н. Майкову в рамках рассказа о замысле романа-эпопеи (первоначальное название - «Атеизм» в середине 1869 года сменилось на «Житие великого грешника») и Голубов-персонаж не задумывался только как герой «Бесов»: «Здесь же у меня на уме теперь 1) огромный роман, название ему «Атеизм» (ради бога, между нами), но прежде чем приняться за который, мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов, католиков и православных. Он посеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше, как через два года. Лицо есть: русский человек нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, - вдруг, уже в летах теряет веру в бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличался. (Разгадка психологическая; глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в бога действует на него колоссально. (Собственно действие в романе, обстановка - очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины - и под конец обретает и Христа, и русскую землю, русского Христа и русского бога. (Ради бога, не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хоть бы и умереть - весь выскажусь) ... «Атеизм» на продажу не потащу (а о католицизме и об иезуите у меня есть

что сказать сравнительно с православием)» [Достоевский 1985, 329].

Переход К. Голубова из старообрядческой в единоверческую церковь писатель мог связать с идеей «потери веры». Однако в романе главный персонаж, вероятнее всего, должен был перейти из единоверческой в староверческую церковь (на это указывает упоминание «хлыстовщины» – радикального толка старообрядчества). Достоевский считал старообрядцев хранителями «истинной» православной веры, которая была еще во времена правления князя Владимира. Учитывая историю церковного раскола и последующего преследования старообрядцев, вероятнее всего, Достоевский видел в старообрядчестве мученический путь во имя Бога [Воронцова 2019, 24].

ГЛАВА 2. ГОЛУБОВ КАК ГЕРОЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

2.1. Почему К.Е. Голубов заинтересовал Ф. М. Достоевского?

Во второй главе исследовательской работы будут решены главные задачи: будет определена значимость образа Голубова в первоначальной версии романа «Бесы», прослежена динамика образа данного героя. Кроме того, будет предпринята попытка ответить на главную проблему работы: «Почему Голубов не появился в финальной версии романа?».

Как было сказано ранее, сложная финансовая ситуация Достоевского побудила приступить к написанию более «злободневного» произведения для «Русского вестника». Убийство студента Иванова кружком «Народная расправа» под предводительством С. Г. Нечаева могло стать хорошим двигателем сюжета для предполагаемого романа-памфлета.

М. Зах считал, писатель увлекся данным преступлением, в особенности его идеологическими «составляющими», что в свое время могло привести к решению «самого важного текущего вопроса». Речь идет о вопросе веры в Бога. Тем самым, по мнению М. Заха именно по этой причине Достоевский не отказался от имеющихся материалов и планов «Жития...», а «переработал» их для «Бесов» [Sach, 2011, 68–70].

Однако в комментариях к рукописям «Бесов» И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова придерживаются мнения, что Достоевский принял решение ввести Голубова не сразу, а только во второй половине февраля 1870 года. Писатель захотел противопоставить «космополитам-западникам» «светлый» образ «истинного русского» героя, человека «почвы» [Достоевский 1975, 178].

Подобная гипотеза имеет место быть, так как с помощью нее можно объяснить причину появления такого персонажа, как Голубов. «Новым человеком» в романе, в отличие от героев Чернышевского и Тургенева, должен был стать не нигилист, а носитель русской православной веры, вступающий в спор с тем самым нигилистом. Идеологическим противником должен был стать «Студент», прототипом которого был С. Нечаев, который в черновиках обозначался своим реальным именем [Немировский 2019, 4].

Первое упоминание в черновиках Достоевского о Голубове датируется 18 февраля 1870 года с пометкой «Хронология». В заметках хроникера (одного из будущих персонажей романа) написано следующее: «Да он [Студент] и не очень интригует. У него, во-1-х, свое дело: прокламации, фабричные, пожары, тройки и проч. Голубов.» [Достоевский 1974, 96]. Голубов должен был составить некие «проблемы» в деятельности Студента, никаких подробных уточнений в это время Достоевский не делает.

В черновиках от 22 января / 3 февраля 1870 года Достоевский подробно прописывал портреты следующих героев: Т. Н. Грановского, Шапошникова, Нечаева. Именно в части «О Нечаеве» после описания одного из планируемых главных героев, повествуется о «заседании», где присутствуют, по всей видимости, Шатов > и Грановский, так как показан их идеологический спор. Диалог построен на вопросе о религии, об образе Христа и его значимости, Шатов говорит о последователях христианской веры и заключает следующее: «...Впрочем, сможете лишить [веры людей в Бога], если только покажите что-нибудь лучше Христа. Покажите-ка!» [Достоевский 1974, 113].

Далее после этих слов Шатов говорит следующее: «— Голубов, из дворовых, воспитанник и крестник Княгини, самоучка (гимназия), кряжевая натура (не доучился и выключен из университета) Ездил с Княгиней за границу, женат уже 4 года - озлоблен и проч. Идеи и учение Голубова во многом» [Достоевский 1974, 113].

Безусловно, этот художественный образ далек от реальной фигуры К. Голубова. Писатель сохранил низкое происхождение

Голубова, подтвердил факт того, что он во многом являлся «самоучкой», под «кряжевой натурой» Достоевский, вероятно, имеет в виду его «крепкий» и «почвенный» характер. Однако, странно, что Достоевский делает его воспитанником Княгини (возраст Голубова не обозначается, в таком случае его сложно представлять стариком или даже мужчиной средних лет, может быть, он мог быть и ровесником Князя, Студента или Нечаева) и «озлобленным», в то время как ни один источник (статья Н. И. Субботина, воспоминания духовных братьев К. Голубова и его личные работы) не намекал на его скверный характер.

Опираясь на реплику Шатова можно увидеть набросок идеи, что Голубов должен стать «новым человеком». Учитывая факт, что на данном этапе работы роман все еще должен был быть памфлетом, здесь можно увидеть пародию на «нового человека» Чернышевского. В «Что делать?» появление «человека будущего» в обществе приравнивалось к наступлению «Царства небесного», тем самым, он должен заменить самого Христа.

Конкретно каких «идей» придерживался Голубов не говорится. Однако, учитывая его портрет и предыдущую реплику Шатова относительно Христа, сложно представить, что они могли быть точно такими же, как и у бывшего-старообрядца.

В записях от 26 февраля 1870 года, помеченных *Nota bene*, Голубов появляется во взаимодействии с другими персонажами: «Нечаев. Приехал тоже устроить дело с Голубовым насчет тайной вольной старообрядческой типографии» [Достоевский 1974, 113]. Именно это

подтверждает гипотезу о том, что Достоевский был знаком не только со статьей Н. И. Субботина за 1868 год («Русская старообрядческая литература...»), но и предшествующую ей «Раскол как орудие враждебных России партий» за 1867 год, в которой отмечались встречи представителей «Колокола» с иноком Павлом (быть может, Достоевский мог знать что-то лично и от Н. П. Огарева). И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова комментируют этот отрывок следующим образом: «В данном случае Достоевский намекает на реальные сношения «лондонских пропагандистов» со старообрядцами. Как известно, Н. П. Огарев и другие представители лондонской революционной эмиграции поддерживали старообрядцев, так как видели в них своеобразную оппозицию официальному православию и русскому самодержавию» [Достоевский 1975, 179]. Однако, они не говорят, откуда Достоевский мог быть осведомлен о связях редакторов «Колокола» со старообрядцами.

2.2. Почему Ф. М. Достоевский отказался от Голубова-персонажа?

Мотив Достоевского в нежелании уделять пристальное внимание Голубову может быть объяснен наличием материалов к «Житию...». Писатель мог «выиграть» время, прописывая художественные образы других персонажей. Вероятно, на начальном этапе работы над «Бесами» Достоевский хотел «определить» кому Голубов мог быть противопоставлен, и какой именно «нигилист» мог бы быть «побежден» его идеями. В таком случае Нечаев точно не подходил, он следовал

принципам революционного движения и уже был убийцей Шатова.

Далее Достоевский пишет о возвращении Князя из-за границы: «Воротился домой *железозакаленный* и с затаенной клятвой – порвать со всей действительностью, даже если б мать лишила за это наследства. (Сходится сначала с Нечаевым, потом с Шатовым, потом у него с Голубовым.)» [Достоевский, 1974,113]. Про Голубова Достоевский вписал отдельно. Можно предположить, что это является идейным путем нигилиста, начиная от интереса к революционной деятельности, затем постепенного отказа от нигилизма и кардинальной смены взглядов и прихода к религии.

Позже Достоевский прописывает любовный сюжет романа, конфликт отношений Воспитанницы с Князем. Между одним из предположительных любовных действий и заметкой «*Интрига и мысль.*» Достоевский пишет: (Шатов с матерью, а Голубов с пьяной женой.) [Достоевский, 1974,113]. Мотив акцента на употребление алкоголя женой Голубова не совсем ясен, так как подобное поведение идет вразрез всем идеям «самоуправления» К. Голубова. Более того, сама жена Голубова в черновиках не появляется как отдельный персонаж, подробный портрет также отсутствует.

Далее Достоевский пытается определиться с образом Князя, после его решения об отказе наследства он «сталкивается с Шатовым и Голубовым», но данное действие также остается без пояснений. Однако, интересным и немаловажным является следующее замечание о Князе: «Ищет правду; нашел правду в идеале России и христианства». Подобные мысли Князя в свое время отсылают к

размышлениям К. Голубова в «Частных письмах...» и других статьях. Скорее всего, Достоевский начал наделять других героев романа мыслями, присущими Голубову, либо они, в свое время, благодаря непрерывному общению постепенно убеждались в их правдивости [Достоевский 1974, 113]. Подтверждением может быть следующая запись о Князе, которая продолжается от 26 февраля: «правдив, жесток, принявший решение, ненавидящий современный порядок, прогресс и современных людей, сходится с Нечаевым, с Голубовым (в монахи), предлагает под конец ей руку (самоосуждение).» [Достоевский 1974, 113], далее «... выслушивает Нечаева, предается Голубову и Шатову» [Достоевский 1974, 117].

Более того, до этого в черновиках не упоминалось о Голубове как о монахе. Создается ощущение, что Достоевский запутался в образе Голубова. Сперва он репрезентировал его как человека далекого от монашеской жизни: с пьющей женой, агрессивного, самоучку и воспитанника Княгини. Но, чем дальше Достоевский пытался развить сюжет романа, тем отчетливее Голубов становился похож на своего спокойного и рассудительного прототипа: «Голубов сдерживает Шатова» [Достоевский 1974, 117].

Далее впервые Достоевский прописывает диалог Голубова с Князем: «Князь у Голубова: «Я первое исправляю (у оторванных от почвы). Я верую». Голубов: «И последнее! Это первое и последнее! Более ничего не нужно, все в одном этом» [Достоевский 1974, 117]. Несмотря на то, что реплики каждого героя небольшие, в нем отчетливо прослеживается роль Голубова. Он предстает в образе проповедника, человека,

который мог доказать нигилисту, что есть другой путь. Упоминание о «формуле» достижения всемирного счастья отсутствует, но она может быть абсолютно бессмысленной, если не будет веры во Всевышнего. Достоевский довольно часто делал заметку о хорошем отношении Князя к Голубову: «(Один Голубов волнует и поражает его.)» [Достоевский 1974, 118]. По всей видимости, писатель стремился показать всю силу образа Голубова, как внутреннего, так и внешнего. Кроме этого, Голубов должен был взаимодействовать абсолютно с каждым персонажем, одним из связующих «центров»: «У него [Грановский] образовался новый двор: Успенский, Шатов, Голубов. Он с ними сначала свысока, как учитель, но под конец догадывается, что они все с ним более чем на равной ноге и даже смотрят на него как на развалину» [Достоевский 1974, 119].

Подобное первоначальное отношение к Голубову отдаленно напоминает факт из жизни бывшего раскольника, точнее комментарий Н. И. Субботина к отрывкам из «Частных писем...»: «Вот каким языком беседовали из Лондона с «мужиком» – старообрядцем. «Мужик» этот, однако же, хорошо понимал и эту речь, и то, о чем и к чему она ведется» [Субботин 1868, 117]. Но, как и в реальной жизни, Голубов доказал, что он далеко не глупый человек, с которым можно вести идеологические споры.

Сравнительно большой монолог Голубова посвящен вопросу человеческого счастья. На примере брака он говорит, как можно достичь счастья и спокойствия в мире: «Вы говорите, что имеющий 10 человек и имеющий одно блюдо несчастен, не имея двух, и спрашиваете: что же, если он не

имеет и одного блюда, что так часто бывает? Я же говорю: да, он несчастен тогда, и опять-таки от всеобщего несамообладания и незнания закона. Поверьте, что если б все вознеслись до высоты самообладания, то не было бы ни несчастных браков, ни голодных детей; итак, закон дан, сказан и представлен в живых, если вы не послушали его, то и несчастье. А муравейником не спасетесь» [Достоевский 1974, 121-122].

Слова персонажа, на самом деле, отсылают к статьям К. Голубова «Плод жизни» и «Проявление Божества», где бывший старообрядец говорил о достижении всеобщего блага с помощью личного контроля «грехов» и праведности. Однако Достоевский немного трансформировал идею К. Голубова. По теории Голубова-персонажа церковь (именно православная) должна быть важной и неотъемлемой частью жизни человека. В данном случае гипотеза М. Заха о трансформации материалов «Жития...» имеет место быть, так как в данном монологе Голубов упоминает Христа и его «законы», а герой романа-эпопеи, по замыслу, должен был найти «...русскую землю, русского Христа и русского бога» [Достоевский 1985, 329].

Кроме этого, речь Голубова включена в контекст «буйного разговора о пожарах и нигилизме» и замечаний Грановского об идеях социализма, что показывает желание Достоевского противопоставить «нового человека» нигилистам [Достоевский 1974, 121-122]. Однако, идеологического спора далее не происходит. Голубову никто из героев не отвечает. На монологе предположительного «нового героя» данное предполагаемое действие романа заканчивается.

В черновике, с пометкой «Части 1-ой» Голубов появляется после того, как Князь начинает размышлять о себе, как о «новом человеке»: «Я *новым* человеком не буду, я слишком неоригинален, – говорит он, – но я нашел наконец несколько драгоценных идей и держусь их. Но прежде всякого возрождения и воскресения – самообладание... «Я, говорит он, – прежде судил нигилизм и был врагом его ожесточенным, а теперь вижу, что и всех виноватее и всех хуже мы, баре, оторванные от почвы, и потому мы, мы прежде всех переродиться должны; мы главная гниль, на нас главное проклятие и из нас все произошло» [Достоевский 1974, 126].

К этому времени Достоевский уже увлекся личностью Князя, так как именно его образу уделяется большее внимание, в особенности его взаимодействия с другими героями (с Шатовым, Грановским, Княгиней, Воспитаницей и другими). На заинтересованность в образе одного из главных героев так же указывает проработка вариантов возвращения Князя из-за границы и событий, после которых он решает застрелиться.

Позже Достоевский пишет, что Князь Шатова не слушал, но доводы Голубова «слушает почтительно» и помечает: «Вера и православие» [Достоевский 1974, 126]. Голубов-герой должен был говорить следующее: «Больше смирения надо; сочтите себя за ничто, тогда спасетесь и спокой получите» [Достоевский, 1974 126]. Слова Князя о «почве» могут отсылать к той же идее Достоевского о типе «грядущего человека», не высокого происхождения, о возвращении «истинного» православия, и в некоторой степени к истории К. Голубова с «Общем вече». Данный монолог и последующая реплика Голубова опять отсылают к «Частным письмам об

общем вопросе», где К. Голубов часто упоминал о важности «самоуправления», во время идеологического спора с Н. П. Огаревым.

Кроме того, идея Князя о «перерождении» могла быть списана с реального события в жизни Кельсиева, который, как говорилось ранее, «отрекся» от революционной деятельности и стал придерживаться взглядов К. Голубова и инока Павла. О Князе Достоевский вписывает: «хотел было в монахи (Павел Прусский)» [Достоевский 1974, 126], что еще раз подтверждает осведомленность Достоевского об иноке и его ученике. Однако, в статье Н. Г. Субботина о Кельсиеве не говорится открыто. Вероятно, Достоевский мог догадаться, что К. Голубову писал именно он, так как бывший революционер в 1867 году опубликовал «Исповедь», а позже начал сотрудничать с славянофильскими и консервативными изданиями, в особенности с «Русским вестником» и в 1868 году издал мемуары, повествующие о жизни в эмиграции. Интересным фактом является и то, что Кельсиев был из княжеского рода, что опять дает повод для дополнительного размышления. И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова в комментариях к первоначальным рукописям романа «Бесы» относительно этого замечаний не дают.

Князя Достоевский делает «судьей нигилизма», который делится своими соображениями о поведении Нечаева с Голубовым: «Я жадно приглядываюсь к Нечаеву, чтоб разглядеть – из-за чего такая сила убеждений и спокойствие. Поразил меня Нечаев» [Достоевский 1974, 126]. Опираясь на данную реплику, можно согласиться с М. Захом, что Достоевский был озабочен убийством Иванова и всячески

хотел понять истинный мотив преступления, поэтому личность Нечаева раскрывается через отношение Князя к нему [Sach 2011, 72].

В черновиках от 7 марта 1870 года Князь становится «развратнейшим человеком» и носителем «идеи», которая его и поработщает, но какой именно пока что не понятно. Далее говорится, что он [Князь] продолжает слушать Голубова и даже «укрепляется в идеях», а «идеи Голубова суть смирение и самообладание и что бог и царство небесное внутри нас, в самообладании, и свобода тут же. Он не ожидал встретить Голубова. Встретив его поражается, ужасается и поддается ему беззаветно» [Достоевский 1974, 130]. Скорее всего, здесь образ Князя описывается в динамике, в его смене взглядов, иначе его развратность могла бы идти против настоящего учения Голубова о самоуправлении.

С пометкой «окончательно» Достоевский пишет, что Князь «не имеет особых идей» и «...слушает всех, и Голубова...», а далее: «Льнет к Голубову и только выходит в отчаянии». Следует заметить, что на данный момент никакого подробного описания Голубова все еще нет. Отсутствует его портрет, дальнейшее описание его характера и поведения, так же отсутствует экспозиция его жизни. Он присутствует в тексте как некоторая абстрактная фигура, носитель одной идеи, при этом он перестал быть «новым человеком».

Неопределенность Достоевского в роли Князя, в его позиции подтверждается черновиками от 11 марта 1870 года, где в «Последнем образе Князя» написано: «Он – *новый* человек...с любопытством приглядывается к Нечаеву и прислушивается – желая угадать наконец: на чем это люди так

твердо могут стоять?.. Голубов один потрясает его, но с энтузиазмом...признается ему, что это совершенно и его мысль, им отысканное убеждение», а далее: «...объявляет условия. Они состоят в том, что отныне он [Князь] русский человек и что надо верить даже в то, что отныне он русский человек и что надо верить даже в то, что сказано им у Голубова (что Россия и русская мысль спасет человечество)» [Достоевский 1974, 133]. Чем именно, какими аргументами и словами «потрясает» Князя Голубов и является ли это повторением формулы о самоуправлении, описанной в монологе не известно.

Идея о спасении людей с помощью «русской мысли» отсылает к статье К. Голубова «Плод жизни» и «Истинное благо», о которых говорилось ранее. Позже Князь застрелился, но прежде, вероятно, посещает Голубова: «Голубову: «Не верю» - доносит и застреливается» [Достоевский 1974, 134]. Во что именно не верит Князь не понятно. Он может не верить как в Бога (именно в образ Творца), так и в саму формулу Голубова, в достижение всеобщего счастья, либо он может не верить в «Катехизис революционера» Нечаева (в его жизненные принципы).

В записях от 15 марта 1870 года все внимание Достоевского обращено на Князя, о Голубове снова упоминается лишь то, что первый к нему «приглядывается». [Достоевский 1974, 134]. Перед тем, как застрелиться Князь в последний раз посещает Голубова: «Удивляюсь, что я не могу жить как другие: как мать, как Граф, как Грановский, Губернатор, Великий писатель». (Ответ: потому что выше их.) Мысль же автора: выставить человека, который сознал, что ему

недостает почвы» [Достоевский 1974, 135]. Не ясно, кому именно принадлежит «ответ», его мог сказать как Голубов, как и сам Князь, либо это авторское отступление хроникера романа. «Мыслью автора» может быть идея самого Достоевского относительно конфликта всего романа в целом, так как именно это и могло быть центральной проблемой романа. Однако, она слишком сложна для романа-памфлета.

В черновиках от 10 апреля / 29 марта 1870 года самой первой записью являются следующие слова: «*Голубова не надо*» с записью рядом «*Без Голубова*», а далее следует заключение писателя: «Выходит так, что главный герой романа Князь», а в завершение: «*Голубова не надо*», спустя несколько записей о Князе Достоевский записывает: «ИТАК, ВСЬ ПАФОС РОМАНА В КНЯЗЕ, он герой. Все остальное движется около него, как калейдоскоп. Он заменяет Голубова. Безмерной высоты» [Достоевский 1974, 136]. Последние слова, наиболее вероятно, относятся к Голубову, а не к Князю. Несмотря на то, что Достоевский так и не сумел оставить Голубова, его восхищение перед фигурой реального прототипа не угасло.

Голубов пробыл на страницах черновика к роману около одного месяца. За это время ему достался лишь небольшой монолог и несколько реплик. Кроме этого, он один из немногих, о чьей личности не было написано практически ничего. Однако, несмотря на это, он оказался связующим звеном между всем происходящим, практически все герои с ним взаимодействовали.

Безусловно, точно ответить на вопрос по какой причине Достоевский отказался от фигуры Голубова практически невозможно. Одной из гипотез является то, что Голубов был не

лучшим идеологическим противником «нигилистическому идеалу «своеволия» и «безверия»» [Немировский 2019, 9].

Образ Голубова был излишне позитивен, другим героям ему было сложно возразить, они лишь соглашались с христианскими истинами, о которых тот говорил. И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова также придерживались мнения, что отсутствие «трагических противоречий» у Голубова вынудило Достоевского избавиться от него [Достоевский 1975, 183]. С подобным заявлением сложно согласиться, если вспомнить его описание. Его озлобленность, жена, которая далека от жизни по христианским принципам, вполне может отвечать его «трагизму». Вероятно, по началу Достоевский хотел создать Голубова противоречивой личностью, но, заинтересовавшись личностями Нечаева и Князя, попросту забыл свои первоначальные намерения и опирался на реальный образ К. Голубова (именно который мог быть излишне «положительным»). И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова также считали, что Князь стал «излюбленным» героем писателя, неким «бунтарем», который перестал слушаться Голубова [Достоевский 1975, 183]. С данным предположением опять сложно согласиться, так как Князь долго приходил к Голубову и часто повторял слова о «почве». И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова анализировали статьи К. Голубова (правда те же самые пассажи, что Н. Г. Субботин приводил в статье), но, видимо, упустили вероятность, что Достоевский мог «позаимствовать» идеи бывшего старообрядца и «дать» их не только однофамильцу-герою. Рассматривая многие монологи других героев, не учитывая Князя и Голубова, можно найти идеи самого К. Голубова. Однако, несмотря на

заинтересованность писателя в бывшем старообрядце, сделать его «новым человеком» не удалось.

Быть может, Достоевский все же хотел «сохранить» образ Голубова для «Жития великого грешника». Фигура Голубова могла быть чересчур сложной для романа-памфлета, который должен был быть опубликован в ближайшие сроки, а повторение одной и той же формулы «самоуправления» в двух разных произведениях, вряд ли бы доставили удовлетворение как публике, так и самому писателю.

Кроме того, по всей видимости, примерно к 11 марта 1870 года Достоевский решил окончательно создать нового «нового человека», а именно нигилиста, отказавшегося от старых принципов и пришедшего к православию. Как было отмечено ранее, быть может, Достоевский опирался на последнее письмо из «Частных писем» Кельсиева (оно так же было опубликовано Н. Субботиным), собственно, поэтому в образе Князя могут прослеживаться нигилистические идеи, популярные в сороковых годах. Однако, и Князь так же не появился на страницах «Бесов». И. А. Битюгова и Н. Ф. Буданова никак не комментировали этот факт. Однако, велика вероятность, что Князь ушел со страниц романа, так как Достоевский не мог определиться, каким же он должен был стать. На это могут указывать многочисленные версии возвращения Князя из-за границы, варианты его женитьбы, самоубийства и вариации его личных идей. Писатель мог запутаться в версиях сюжета. На это может указывать факт возникшего внутреннего кризиса Достоевского. Именно из-за него он решил кардинально изменить не только образ «нового человека», но и само содержание. В августе 1870 года писатель

окончательно меняет жанр романа с памфлета на трагедию и начинает работу над новым замыслом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная проблема работы, которая звучит как «почему Достоевский отказался от Голубова», остается открытой, так как на данный момент прямых доказательств причины отказа Достоевского от Голубова-персонажа нет.

В 1868 году К. Голубов показался Достоевскому достаточным противовесом героям романов И. С. Тургенева «Отцы и дети» и Н. Г. Чернышевского «Что делать?», писатель планировал Голубов построить свой художественный образ «нового человека». Замысел Достоевского о столкновении в одном пространстве нигилиста и «нового человека» не был осуществлен. Концепция положительного и противоположного образа «нового человека» героям Чернышевского и Тургенева не нашла места в финальной версии романа.

«Новый человек», планируемый как истинно русский человек, воплощающий все национальные ценности, преодолевший путь от «церковного нигилизма» и нашедший своего Бога, не появился на страницах романа. Однако, факт того, что личность К. Е. Голубова во многом привлекала Достоевского, существует, идеи бывшего старообрядца о «самоуправлении» нашли отражение в немногочисленных репликах и монологах Голубова-персонажа в черновиках к роману.

Несмотря на идею о создании положительного героя, образ Голубова в самом начале работы получился двойственным. Его «озлобленность», мирское образование (гимназия) и пьянствующая жена не коррелировали с образом человека, поддерживающего христианские ценности и приближенного к «почве». Нужно заметить, подобный портрет мог быть уместен в романе-памфлете, так как внутренний конфликт был бы успешным двигателем сюжета и добавлял эффект комичности. Однако постепенно замысел становился все более сложным. Начиная с 26 февраля 1870 года противоречивость характера Голубова, его конфликт личности отходит на второй план, он становится носителем идеи, которая в последствии никак не видоизменяется.

Некоторое время (с января по март) Голубов оставался весомой фигурой, с ним часто взаимодействовали представители нигилизма (Князь, Шатов, Нечаев), он менял их идеологию. Он был одним из носителей христианской идеи, но «новым человеком» так и не стал.

Важно заметить, что созданный Достоевским персонаж во многом соответствовал своему прототипу. Но это сходство становилось заметно лишь со временем, как только писатель стал отходить от романа-памфлета, погружаясь в более сложный сюжет. С появлением в черновиках Князя, Голубов стал более светлым образом, он получил роль проповедника, носителя чистой и истинной идеи, с которой был согласен практически каждый герой, будь то главным или второстепенным. В некоторых репликах и монологах Голубова можно найти отсылки к реальным публикациям бывшего старообрядца. Кроме того, Достоевский позаимствовал не

только сами идеи Голубова, но и факты из его биографии. Так, Достоевский упомянул о старообрядческой типографии, монашестве, иноке Павле. Более того, Достоевский мог заимствовать для своего романа еще одно событие из жизни Голубова — его идеологический спор с представителями нигилизма (старшего, представленного Н. П. Огаревым) и, по всей видимости, переубеждение князя Кельсиева, бывшего нигилиста. Однако с абсолютной точностью об этом говорить нельзя. Тем не менее, несмотря на явный интерес и уважение Достоевского к бывшему старообрядцу К. Голубову, оставить этого героя в романе не удалось.

Как было показано в анализе главных функций и черт Голубова-героя на всех этапах черновиков романа, его фигуру затмил другой герой — Князь, планируемый протагонист Голубова. Спора между «мужиком» и нигилистом не было, второй соглашался с первым, постепенно перенял ход его мыслей. На первый план вышел внутренний конфликт Князя, его путь от одних идей к другим. Он находился между идеологией Нечаева и Голубова. Во время работы над романом, изменился замысел. В черновиках появлялись записи с пометкой, что Князь и есть «новый человек». В результате Достоевский решил показать путь нигилиста к православной вере, на что указывает запись от 10 апреля / 29 марта 1870. Несмотря на то, что писатель считал Голубова фигурой «Безмерной высоты» [Достоевский, 1974: С. 136], он не мог стать героем романа. Одна из гипотез об отказе Достоевским от Голубова, сформулированная И. А. Битюговой, Н. Ф. Будановой, И. В. Немировским, заключается в отсутствии «трагических противоречий» в характере героя. С подобным

мнением можно согласиться, так как в феврале и марте от противоречивости характера Голубова ничего не осталось, на главный план Достоевский вывел его идеи о «самоуправлении». Когда Голубов имел двойственный характер, он как нельзя лучше подходил на роль одного из главных героев романа-памфлета.

Другой возможной причиной, почему Достоевский отказался от образа Голубова, может быть причина «безмерной величины» характера «мужика». В случае, если бы Голубов в романе «Бесы» унаследовал тот же портрет и внутренний конфликт, что и в планируемом «Житии великого грешника», он бы затмил своего идеологического оппонента. Достоевский бы привлек внимание не к проблеме нигилизма, а к проблеме истинного православия. Следовательно, обличение поступков Нечаева и катехизиса революционера не было бы в центре внимания.

«Бесы» должны были поднять проблему нигилизма. Таким образом, чтобы сконцентрировать внимание читателя на проблеме, было логично оставить какого-то одного сюжетообразующего персонажа. Тем не менее, в результате Голубов не стал протагонистом нигилиста, идеологического спора не получилось. Достоевский решил сосредоточиться на образе Князя и эпохе сороковых годов, «когда носителем нигилистических идей были дворяне» [Немировский, 10].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Воронцова В. И.* Константин Голубов — «новый человек» Достоевского: автореф. Кр / Воронцова Варвара Игоревна – СПб.: Высшая школа экономики, 2019. С. 4–34.
2. *А. И. Герцен А. И.* Еще раз Базаров. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. Кн. 1. М.: АН СССР, 1960. С. 334–349.
3. *Голубов К. Е.* Частные письма об общем вопросе // Истина. 1868. К. 3. С. 60–97.
4. *Голубов К. Е.* Нашему старознакомому путешественнику // Истина. 1867. – К. 3. С. 96–97.
5. *Голубов К. Е.* Плод жизни // Истина. 1867. К. 2. С. 35–40.
6. *Голубов К. Е.* Свобода. // Истина. 1868. К. 2. С. 54–59.
7. *Голубов К. Е.* Образованность. // Истина. 1867. К. 1. С. 30–35.
8. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11: Бесы. Глава «У Тихона»: Рукописные редакции. / Ред. коллегия.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1977.
9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 11: Бесы. Рукописные редакции. / Сост., подгот. текста И.А. Битюгова, Н. Ф. Буданова, Т. И. Орнатская. М: Наука, 1974.
10. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 12: Бесы. Рукописные редакции. Наброски 1870–72. / Ред. Коллегия.: В.Г. Базанов (отв. ред) и др. М.: Наука, 1975. С. 170–180.

11. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. Том 28.2. Письма 1860–1868. / Ред. коллегия: В. Г. Базанов, В. В. Виноградов и др. М.: Наука, 1985. С. 320–335.
12. *Достоевская А. Г.* Воспоминания / Сост. И сопровод. ст. С. В. Белова, В. А. Туниманова. М.: Правда, 1987. С. 185–203.
13. *Колокол.* Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева // Академия наук СССР. Институт истории. М.: Наука. 1964. С. 10–30.
14. *Рындзюнский П. Г.* Из переписки Огарева с Павлом Прусским (П. И. Лендневыш) // Литературное Наследство. 1956. Т. 63. С. 130–139.
15. *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий // [соч.] Н. Субботина. – М.: в Университетской тип. (Катков). 1867. С. 10–20.
16. *Субботин Н. И.* Русская старообрядская литература за границей // Русский вестник. 1868. № 7. С. 99–129; № 8. С. 325–352.
17. *Iwaniec E.* Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia: Karty z dziejów duchowości ros. w drugiej połowie XIX wieku // Eugeniusz Iwaniec. Białystok: Orthdruk, 2001. P. 12-36; 175-231.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. С. 363.

2. *Беляев Д. А.* Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф. М. Достоевского // Аналитика культурологии. 2012. С. 1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universálnost—i—natsionalnaya—samobytnost—idei—sverhcheloveka—v—tvorchestve—f—m—dostoevskogo/viewer> (дата обращения 13. 01. 2020).

3. *Володина Н.* Словоформа «Новые люди» в русском художественном сознании // Studia Rossica Posnaniensia. 2003. vol. XXXI. С. 9-14. URL: http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia—r2003—t31/Studia_Rossica_Posnaniensia—r2003—t31—s9—17/Studia_Rossica_Posnaniensia—r2003—t31—s9—17.pdf (дата обращения 05.02.2020).

4. Долинин А. С. Достоевский и А. И. Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Долинин А. С. Достоевский и другие / Сост. А. Долинин. Л.: Художественная литература, 1989. С. 101-162.

5. Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов / Достоевский: Материалы и исследования // Электрон. текстовые дан. – СПб: ИРЛИ. С. 9-19. URL:

http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_17/01_Дрыжакова_3.pdf (дата обращения 08.02.2020).

6. Кантор В. К. Подпольный человек против «новых людей», или о торжестве зла в мироустройстве // Вестник культурологии. 2017. С. 102-115. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/podpolnyy-chelovek-protiv-novyh-lyudey-ili-o-torzhestve-zla-v-miroustroystve>. (дата обращения 20.01.2020).

7. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. М.: Изд-во «Республика», 1995. С. 20-80.

8. Назиров Р. Г. Характеросложение и проблема прототипов // Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Саратов. Ун-т, 1982. С. 80-91. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov—book.php#ch6>. (дата обращения 17.12.2019).

9. Назиров Р. Г. Жизнь идей в романе // Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Саратов. Ун-т, 1982. С. 91-100. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov—book.php#ch7>. (дата обращения 19.12.2019).

10. *Немировский И. В.* «Новый человек» - Александр Пушкин: к генезису Кириллова из «Бесов» Достоевского // НЛО. 2019. С 1-25.

11. *Никольский С. Н.* «Новые люди» в снах и наяву в романах Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и «Пролог» // Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. С. 52-96.

12. *Паперно И.* «Что делать?» // Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 148-178.

13. *Чирков Н. М.* Роман - Сатира и роман - трагедия («Бесы») // О стиле Достоевского. М.: Наука, 1964. С. 147-187.

14. *Busch R. L.* "Turgenev's Ottsy i Deti and Dostoevskii's Besy." Slavonic Papers. Revue Canadienne Des Slavistes. 1984. Vol. 26, no. 1. P. 1-9. URL: www.jstor.org/stable/40868245. (date of access 03.03.2020).

15. *Coetzee J. M.* "Confession and Double Thoughts: Tolstoy, Rousseau, Dostoevsky." Comparative Literature. 1985. Vol. 37, no. 3. P. 193-232. URL: www.jstor.org/stable/1771079. (date of access 06.03.2020).

16. *Fitzgerald G. D.* "The Chronology of F. M. Dostoevskij's The Possessed." The Slavic and East European Journal. 1983. Vol. 27, no. 1. P. 19-46. URL: www.jstor.org/stable/307244. (date of access 10.03.2020).

17. *Fokkema D.* "Chernyshevsky's What Is to Be Done? and Dostoevsky's Dystopian Foresight." Perfect Worlds: Utopian Fiction in China and the West, Amsterdam University Press,

Amsterdam. 2011. P. 211-232. URL: www.jstor.org/stable/j.ctt46mwnv. (date of access 15.03.2020).

18. *Howe I.* "Dostoevsky: The Politics of Salvation." *The Kenyon Review*. 1955. Vol. 17, no. 1. P. 46-47. URL: www.jstor.org/stable/4333540. (date of access 20.03.2020).

19. *Jackson R. L.* "Bakhtin's Poetics of Dostoevsky and 'Dostoevsky's Christian Declaration of Faith.'" *Close Encounters: Essays on Russian Literature*. Academic Studies Press, Brighton, MA. 2013. P. 277-304. URL: www.jstor.org/stable/j.ctt1zxshr0.21. (date of access 23.03.2020).

20. *Meyers J.* "Portraits of a Terrorist: Dostoevsky, Conrad, and Coetzee." *The Antioch Review*. 2014. Vol. 72, no. 1. P. 61-80. URL: www.jstor.org/stable/10.7723/antiochreview.72.1.0061. (date of access 23.03.2020).

21. *Peterson D. E.* "Dostoevsky's Mock." *The Centennial Review*. 1974. Vol. 18, no. 1. P. 76-90. URL: www.jstor.org/stable/23738067. (date of access 23.03.2020).

22. *Sach M.* "Ein Literarisches Modell Des Terrors. Die Gestalt Des Petr Verchovenskiij in Dostoevskijs Roman Besy Im Spannungsfeld Von Geschichte Und Literatur." *Zeitschrift Für Slavische Philologie*. 2011. Vol. 68, no. 1. P. 83-85; 91-92. URL: www.jstor.org/stable/24004172. (date of access 22.01.2020).

23. *Walsh H.* "Stylization and Parody on Dostoevskian Themes." *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. 1991. Vol. 45, no. 4. P. 217-230. URL: www.jstor.org/stable/1347830. (date of access 23.01.2020).

24. *Weickhardt G. G.* "Tolstoi, Dostoevskii and Turgenev as a Historical Phenomenon." *Russian History*. 1995. Vol. 22, no. 1.

P. 24-57. URL: www.jstor.org/stable/24657830. (date of access 23.01.2020).

25. *Frank J.* "Nihilism and 'Notes from Underground.'" *The Sewanee Review*. 1961. vol. 69, no. 1, pp. 1-33. URL: www.jstor.org/stable/27540632. (date of access 07.02.2020).